

Е. И. Лебедева

ДВОРЯНСТВО И НАЛОГОВЫЕ ПРИВИЛЕГИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»
М.: Наука. 1988. С.75-94.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

Великой французской революции, как и всякой революции вообще, предшествовал период революционной ситуации, начавшейся с острого, отчетливо выраженного «кризиса верхов». Одной из главных «болевых точек» кризиса стал вопрос о налоговых привилегиях высших сословий.

В начале 1787 г. правительство, ища спасения от катастрофического бюджетного дефицита, выдвинуло проект реформ, сердцевиной которого стал единый бессословный поземельный налог. Предполагалось, что он будет дополнением к существовавшей сословной фискальной системе, и тем не менее введение его означало бы некоторое наступление на традиционные налоговые привилегии. К тому же в общей форме проект реформ провозглашал «справедливым» принцип равенства обложения граждан независимо от их сословной принадлежности.

План этот встретил резкое противодействие дворянского по составу собрания нотаблей, созданного правительством для его утверждения. Летом того же года проект бессословного налога столкнулся с еще более ожесточенным сопротивлением парламентов, корпораций также по преимуществу дворянских.

Эгоистическое нежелание или неспособность привилегированных поступиться своими узкими кастовыми интересами во имя интересов государственных не раз ставилось исследователями во главу угла при оценке причин краха правительственного плана, повлекшего за собой впоследствии гибель монархии.¹

Однако внимательное изучение отношения нотаблей и парламентов к податным привилегиям приводит к выводу, что уже весной—летом 1787 г. оно не было однозначно и единодушно охранительным. В процессе же развития политического кризиса 1787—1788 гг. позиция «верхов» в целом по этому вопросу очевидно эволюционировала. В октябре—ноябре 1788 г. феодально-иерархическая верхушка второго сословия недвусмысленно выказывала готовность отказаться от фискального иммунитета, т. е. ее позиция в этом вопросе оказалась более радикальной, чем позиция правительства в 1787 г., когда оно начинало реформы.

Этот парадоксальный факт в литературе обычно объясняется испугом политических корпораций дворянства перед нараставшим движением масс, третьего сословия, покушавшихся на большее, чем налоговые привилегии, стремлением «откупиться» от их претензий.²

В самом деле, рост народного протеста, активизация политического действия третьего сословия, формирование у него специфического общественного самосознания оказывали немаловажное влияние на поведение высших сословий.

И все же подобный ответ представляется упрощенным. Фискальный иммунитет был одним из существенных атрибутов принадлежности к высшим, привилегированным сословиям. В числе других факторов налоговая исключительность считалась (а подчас и являлась) одной из основ богатства и экономического господства дворянства и верхов духовенства. Так что, во всяком случае, речь шла о довольно серьезной уступке с их стороны.

Новейшее исследование дворянских наказов Генеральным штатам 1789 г. показало, что тем не менее в подавляющем большинстве наказов (138 из 165 рассмотренных при общем числе наказов — около 200) содержалось требование податного равенства.³ Таким образом, зимой—весной 1789 г. идея эта оказалась широко распространенной среди дворянского сословия⁴, приобрела для него программный характер. Для объяснения этого факта, необходимо проследить, как эволюционировала позиция привилегированных по налоговому вопросу с весны 1787 г., когда они отвергли правительственные реформы, до осени 1788 г., когда они во всеуслышание стали отказываться от привилегий. Уяснение этого вопроса даст возможность глубже понять причины парадоксальной на первый взгляд эволюции. А это, в свою очередь, послужит решению основополагающей проблемы о социально-политической сущности и роли дворянства накануне революции.

Первое сословие королевства — духовенство и второе — дворянство по определению были свободны как от основного личного налога — тальи, так и от всевозможных дополнений к нему. Это не значит, однако, что высшие сословия совершенно не участвовали в государственных расходах. Церковь раз в пять лет платила так называемый бескорыстный дар (*don gratuit*), сумма которого устанавливалась после длительных и обычно негладко протекавших переговоров с правительством.⁵ Существовали, кроме того, постепенно введенные в течение XVIII в. налоги, распространявшиеся на привилегированных (капитация, двадцатины). Однако если третье сословие платило их согласно податным спискам тальи, то для дворян сумма обложения определялась в соответствии с поданными ими самими «декларациями» доходов. На практике это приводило к тому, что наиболее богатое и влиятельное дворянство и верхи духовенства платили значительно меньше всех прочих, и налоги эти постепенно вырождались в очередные прибавки к талье.⁶

Величина и форма сбора прямых и косвенных налогов в различных районах королевства были неодинаковы. Одни провинции находились в привилегированном положении по сравнению с другими.⁷

На большей части территории страны, на Севере, в Центре взималась так называемая персональная талья, т.е. обложению подвергались все доходы непривилегированного. В провинциях со Штатами, в Дофинэ и других районах Юга действовала «реальная талья», которой облагались «ротюрные» земли.⁸ Здесь налоговая привилегия могла не совпадать с сословной принадлежностью. Кроме иммунитета «по праву» (т.е. высших сословий), чрезвычайно широкое распространение получило полное или частичное освобождение от податей «по должности», обычно судебной или фискальной, или по личному пожалованию. Естественно, получение таких привилегий являлось предметом чаяний и деловых устремлений богатых ротюрье. Число получивших те или иные налоговые льготы было огромно и продолжало расти.⁹ Совершенно лишенной каких бы то ни было фискальных привилегий оставалась лишь масса крестьянства.

Запутанность и сложность фискальной системы Франции Старого порядка, свойственный ей «хаос переходных форм» породили полемику в современной историографии о реальном содержании налоговых привилегий как для самих высших сословий, так и для государства. Английская исследовательница Б.Беренс, ссылаясь на то, что, с одной стороны, дворянство принимало участие в уплате налогов, а с другой — налоговые льготы и изъятия касались отнюдь не только дворян, выдвинула тезис, что значение сословных привилегий было очень невелико.¹¹ Точка зрения Б.Беренс была поддержана и другими западными историками.¹² Тезис этот был подвергнут аргументированной критике.¹³ Она основывается на доказательстве того, что уплачиваемая дворянством часть налогов была вопиюще мала по сравнению с вкладом третьего сословия.¹⁴

Кроме того, для верной оценки величины налоговых изъятий следует рассматривать их не сами по себе, а в рамках всей системы сословных привилегий, частью которой они были. Должностной иммунитет давал его обладателям лишь материальные выгоды, хотя и мог рассматриваться ими как один из шагов к полному переходу в ранг «привилегированных». В то время как иммунитет «по праву» был сопряжен с целым комплексом экономических, социальных и политических привилегий, обеспечивавших и охранявших богатство и господство его обладателей во всех сферах жизни.

В материальном смысле утрата налоговых привилегий оказалась бы почти не замеченной богатым пэром Франции, располагавшим крупными земельными владениями, вкладами в торговлю и промышленность, должностями и пенсиями; но могла стать настоящей трагедией для мелкого провинциального дворянчика, едва способного жить «по-дворянски». Однако и в том и в другом случае эти привилегии были «кирпичиком той стены», что отделяла дворянство от третьего сословия. И не случайно поэтому только себя дворяне считали истинно привилегированными и упорно защищали свой податной иммунитет вплоть до кануна революции. И не случайно в сознании масс именно дворяне являлись своего рода символом, олицетворением налоговых привилегий.¹⁵

В XVIII в. абсолютистское правительство в поисках денег неоднократно пыталось обратиться к кошельку высших сословий, видя малую эффективность усиления фискального нажима на массы. Первый всеобщий налог — капитация — был введен в 1701 г.; в 1710 г. — десятина.¹⁶ Это были первые удары по самой идее налогового иммунитета «по праву». С середины XVIII в. наступление на нее повели новые силы. Получившая широкое распространение, в том числе в правительственных кругах, экономическая теория физиократов объявила действующую налоговую систему одним из факторов хозяйственного застоя. Физиократы предлагали ввести единый поземельный (так называемый территориальный) налог, который взимался бы со всех без исключения владений в соответствии с доходами от них.¹⁷ Вместе с тем просветительская мысль объявляла налоговый иммунитет несправедливым.

Передовые идеи века, все глубже проникавшие в общество, сказывались и на политике государства. В преамбуле декларации о двадцатине — новом всеобщем налоге, введенном в 1749 г., говорилось, что «ничто не может быть более справедливым и достойным, чем распределение налога между всеми французами в зависимости от их возможностей и размеров их доходов».¹⁸ Задача преобразования фискальной системы с целью достижения податного равенства была поставлена генеральным контролером А.-Р.-Ж.Тюрго (1774—1776). Он предполагал заменить двадцатины, а затем все прочие подати единым «территориальным налогом». Начало фискальным реформам призвана была положить замена дорожной барщины (*la corvée*) денежным сбором, распространявшимся на все сословия.¹⁹

Последовательная преобразовательная политика Тюрго потерпела крах, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением придворной аристократии и парламентов. При этом, выступая против замены дорожной барщины всеобщим денежным сбором, Парижский парламент отстаивал налоговый иммунитет как одну из опор трона и установленного порядка.²⁰

Итак, рассматривая отношение дворянства к налоговым привилегиям, нужно учитывать следующие факторы, характеризующие фискальную систему Франции Старого порядка: — во-первых, проблема налогового иммунитета накануне революции не сводится к взаимоотношениям третьего сословия и дворянства. Она имеет множество аспектов — от территориальной неравномерности распределения налогов по стране до личного освобождения от уплаты той или иной подати. Дворянство — отнюдь не единственная, но наиболее привилегированная в этом отношении социальная группа; во-вторых, при абсолютизме «государственная власть, на время получившая известную самостоятельность»²¹, продемонстрировала, что в принципе облагать налогом дворянство можно; в-третьих, сама идея дворянского налогового иммунитета «по праву» в конце XVIII в. представлялась современникам устаревшей; она противоречила выводам новейшей экономической и политической науки, все шире распространявшимся и проникавшим даже в среду правящей верхушки господствующего класса.

В августе 1786 г. генеральный контролер финансов Ш.-А. де Калонн представил королю «Очерк плана улучшения финансов», в нем говорилось: «Королевство, в котором каждая провинция по отношению к другой есть иностранное государство, в котором многочисленные внутренние барьеры разделяют и раскалывают подданных одного и того же монарха, королевство, где ряд областей совершенно свободны от налогов, все бремя которых падает на другие, где класс самый богатый платит меньше всех, где привилегии исключают какое бы ни было равновесие и где невозможно ни соблюдение установленных правил, ни осуществление общественной воли, — такое королевство весьма несовершенно, и хорошее управление в нем исключено».²²

Разработанный план реформ должен был обеспечить резкий рост бюджетных поступлений, стимулировать развитие хозяйства, привлечь к правительству симпатии широкого общественного мнения. Сердцевину плана составила физиократическая идея единого «территориального налога», который должен был заменить взимавшиеся до сих пор двадцатины.

Дальнейшее увеличение налогов правительство провозглашало невозможным.²³ Оно ставило задачу их перераспределения. «Монарх должен защищать своих подданных, а подданные обязаны платить за эту защиту». Отсюда следует, что стремление уклониться от налогов, требовать особых прав в этом вопросе — значит «нарушать связи, соединяющие граждан в государстве».²⁴ Монархия, таким образом, вновь декларировала принципиально справедливый и правильный равенство всех граждан в уплате налогов.

Все без исключения земли — церковные, дворянские, ротюрные предполагалось поделить на четыре класса в зависимости от их качества и взимать с них соответственно 1/20 с лучших, 1/25, 1/30 и, наконец, 1/50 урожая с худших земель.²⁵ Калонн дополнил построения физиократов и Тюрго лишь идеей взимания земельного налога в натуральной форме сразу после сбора урожая, идеей консервативной, противоречившей принципиальному положению физиократов о перспективности свободной торговли. Это была чистая утопия: такая система потребовала бы колоссального аппарата для сбора и реализации земельного налога через рынок. Однако реформатор видел в ней гарантию от поблажек богатым и злоупотреблений, а кроме того, считал, что в ряде провинций у населения не хватило бы средств платить налог деньгами.²⁶

Введение всеобщего земельного налога логически влекло за собой так называемую ликвидацию долга духовенства.²⁷ Для уплаты «бескорыстного дара» первое сословие выпускало самостоятельные займы, обременявшие церковные имущества. Нивелирование всех земель в государстве, подчинение единому налогу требовало освобождения их от старых обязательств. Правительство предлагало духовенству погасить долг путем продажи его феодальных прав. Следует отметить, что эта мера носила не только фискальный характер. Она выражала стремление монархии покончить с финансовой, а значит, и политической самостоятельностью церкви.

Взимание бессословного земельного налога означало бы существенную модернизацию налоговой системы. Однако в предложенном плане реформ эта мера была единственной соответствовавшей провозглашенному буржуазному принципу равенства сословий перед налогом. Как это практиковалось и прежде, правительство не отменяло существовавшей фискальной системы, а лишь дополняло старое новым.

Более того, одновременно с введением земельного налога в качестве «компенсации» привилегированным предполагалась отмена дворянской капитации.²⁸ Дорожную барщину в отличие от аналогичной меры Тюрго планировалось заменить денежной прибавкой к талье, которую не платили высшие сословия.²⁹ Калонн предлагал некоторое перераспределение тальи с целью облегчения ее для наиболее неимущих категорий населения.³⁰ Были разработаны довольно ограниченные меры по унификации сбора габели.³¹ Правительство собиралось, кроме того, расширить круг облагаемых налогом колониальных товаров и распространить табачную монополию на ряд провинции,³² имевших ранее привилегии в этой области. Расширялся гербовый сбор, которым облагалось получение дворянских грамот, покупка должностей, все виды коммерческих сделок, акты гражданского состояния.³³

Перечисленные меры должны были затронуть интересы всех слоев населения и отчасти противоречили декларируемому правительством отказу от повышения налогов. Таким образом, фискальные мероприятия Калонна противоречивы: они включали в себя бессловесный физиократический земельный налог и одновременно с этим сохраняли прежние сословно-феодалские налоги, лишь слегка ретушируя их.

Для обсуждения проектов реформ Калонн предложил созвать собрание нотаблей, открывшееся 22 февраля 1787 г. в Версале. Здесь собрался цвет французской аристократии: принцы, герцоги, министры, верхушка магистратуры и духовенства.³⁴ Фискальная программа правительства сразу же встретила возражения с их стороны.

Нотабли охотно одобрили облегчение и упорядочение талы, а также преобразование дорожной барщины.³⁵ Это были те мероприятия, которые не затрагивали интересов членов собрания как привилегированных, но в то же время давали им возможность продемонстрировать заботу об интересах народа.

Совершенно не оправдалась надежда Калонна на одобрение постоянного бессловесного земельного налога. Именно этот проект стал камнем преткновения для политики Калонна; вокруг него формировалась непримиримая оппозиция «избранных советников» короля.

Нотабли избегали в своих дебатах осуждения провозглашенного правительством принципа равенства налогообложения, из которого выводилась необходимость нововведения. Не отвергали они впрямую и сам налог.

В феврале-начале марта 1787 г. нотабли выдвигали против него, во-первых, очень убедительное возражение о сложности, громоздкости, неудобстве взимания налога в натуре.³⁶ Во-вторых, они выражали изумление по поводу столь плачевного состояния государственных финансов³⁷ и требовали от генерального контролера подробного отчета о действительном положении дел в этой области прежде, чем они станут обсуждать «увеличение налогов». Наконец, в-третьих, была высказана мысль, что собрание не вправе принимать решений по столь существенному для нации вопросу, для его решения необходимо созвать Генеральные штаты.³⁸ Среди нотаблей не было единства мнений по вопросу о земельном налоге. Широко распространенная в обществе идея равенства налогообложения сословий имела своих сторонников и в залах заседаний собрания. В их числе были и знаменитые аристократы-либералы и государственные чиновники — сторонники Калонна. Свою позицию они высказали с первых дней обсуждения реформ.

Критикуя представленный проект, нотабли, придерживавшиеся подобных взглядов, требовали более последовательного проведения в жизнь физиократических принципов территориального налога. В пользу обложения чистого продукта в денежной форме высказывались герцоги Ниверне³⁹ и Ларошфуко-Лианкур.⁴⁰ «Их всего, что могут предложить разумные люди для обеспечения потребностей государства, несомненно, самым простым и самым справедливым является территориальный налог, но в денежной форме», — говорит герцог Ларошфуко.⁴¹ Герцог Шаро предложил совместить оба принципа.⁴²

Сохранилось свидетельство, что в последних числах февраля о территориальном налоге говорил в собрании мэр города Тура, вызвавший сначала насмешки своим провинциальным видом, а затем «удививший присутствующих энергичностью своих аргументов, глубиной и силой красноречия». Об этом пишет литературный корреспондент русской великой княгини Марии Федоровны, писатель и публицист А.-М. Блен де Сенмор в письме от 3 марта 1787 г.⁴³ Поскольку сам Блен де Сенмор одобряет территориальный налог, можно не сомневаться, что одобрил его и выступавший.

Такие мнения не представляли собой исключения в собрании нотаблей. Иногда их влияние сказывалось и на его официальных документах. Так, в «Возражении пятого бюро» от 9 марта говорилось, что «сбор в натуре не может быть принят, поскольку неизбежно является неопределенным, непропорциональным, неравным и разорительным; что сбор в денежной форме должен был бы быть распределен между всеми землями королевства без исключения в пропорциональной зависимости от доходов». В «Возражении» в принципе одобрялось также и погашение долга духовенства, но не принимались предложенные авторитарные средства его осуществления, которые «наносит ущерб собственности».⁴⁴

Возмущенные расточительной политикой министерства, нотабли-реформаторы искали пути выхода из кризиса, отнюдь не недооценивая опасности. От них же исходила и критика калонновской реформы дорожной барщины. Для них было естественным желать, чтобы нация, которая платит налоги, сама и одобряла их в каком-то представительном органе.

Однако те же аргументы, ту же фразеологию просвещенного XVIII в. подхватывала и другая часть собрания. Наибольший ущерб план Калонна наносил привилегиям первого сословия. Его представители (архиепископ Нарбоннский А.-Р.Диллон, архиепископ Тулузский Э.-Ш. Ломени де Бриенн, архиепископы Бордо, Арля, Реймса и др.) и заняли самую непримиримую позицию в отношении реформ. Они тоже требовали отчета правительства о состоянии финансов, говорили о «естественном праве» нации одобрять налоги, о необходимости созыва Генеральных штатов. Не смея прямо отвергнуть принцип равенства налогообложения, прелаты применяли тактику проволочек, цепляния к словам, делали вид, что не замечают масштабов затруднений правительства. Они предлагали, например, на год разъехаться по своим провинциям, чтобы «изучить и оценить местные условия», обвиняли Калонна в излишней поспешности.⁴⁵ Звучали в собрании и довольно неопределенные высказывания о пользе «старинных учреждений», призывы эти учреждения сохранять.⁴⁶

Когда на заседании 12 марта Калонн имел неосторожность сказать, что разногласия между ним и нотаблями «касаются главным образом форм, но не противоречат основным положениям плана реформ»⁴⁷, то собрание составило специальные возражения по этому поводу.

Причины такой упорной оппозиции нотаблей были неоднородны. С одной стороны, часть нотаблей действительно принципиально была несогласна с правительственным планом всеобщего налога, хотя до сих пор боялась говорить об этом прямо. С другой — сказались антиабсолютистские настроения, характерные для подавляющего большинства членов собрания. По существу, те положительные требования, которыми нотабли сопровождали критику территориального налога (отчет о состоянии государственных финансов, Генеральные штаты), были требованиями ограничения абсолютизма.

Стремясь спасти свои планы, Калонн предпринял беспрецедентный шаг. 30 марта королевская типография выпустила брошюру, содержащую проекты реформ.⁴⁸ Им было предпослано введение, написанное по поручению правительства известным парижским адвокатом Жербье. Кроме того, четырехстраничная выдержка из «предисловия Жербье», как его стали называть, была напечатана и отдельно распространялась в виде листовки.⁴⁹ Ее рассылали в провинции, священники читали ее с кафедр во время проповедей.⁵⁰

В «предисловии Жербье» провозглашалась «необходимость просветить народ относительно истинных намерений короля».⁵¹ В нем, прежде всего, разъяснялось, что территориальный налог означал не общее увеличение обложения, а увеличение его за счет привилегированных. Как бы в ответ на распространявшиеся в обществе слухи, автор восклицал: «Платить придется больше? Ну, разумеется! Но кому?! Лишь тем, кто до сих пор платил недостаточно. Они будут платить ровно столько, сколько должны в соответствии со справедливым расчетом, и никто не понесет ущерба.

Привилегии приносят в жертву? Да, приносят. Этого хочет справедливость, этого требует необходимость! Неужто было бы лучше и дальше перегружать непривилегированных, народ?»⁵²

Подобная очень радикальная, в духе передовой просветительской мысли, оценка намеченных фискальных преобразований носила в значительной степени демагогический характер, поскольку сами они отнюдь не предусматривали установления полной справедливости в налоговом вопросе.

Далее говорилось, что подобное нововведение, конечно же, вызвало возражения, поскольку «невозможно действовать во имя общего блага, не затронув чьих-нибудь частных интересов». Однако сообщалось, что в целом высшие сословия признали «справедливость и необходимость земельного налога».⁵³

«Предисловие Жербье» было своеобразным обращением монархии к народу «за спиной» ее избранников-аристократов. Однако маневр правительства успеха не имел — слишком низко пал к тому времени его авторитет. Последовал лишь новый взрыв негодования нотаблей. Причем в осуждении Калонна члены собрания разных политических взглядов были совершенно единодушны: обращение к народу испугало всех. Герцог д'Аркур заявлял, что «никогда еще правительство не говорило так с народом». Ему вторил президент бордосского парламента Ле Бретон, добавляя, что с народом следует говорить «лишь посредством законов». Знаменитый маркиз Лафайет считал, что «это предисловие есть призыв к народу, и даже в Бостоне такой призыв рассматривали бы как подстрекательский».⁵⁴

Нотабли составляли пространные «постановления... по поводу предисловия, поставленного во главе мемуаров и в изобилии распространенного среди публики».⁵⁵ «Бюро берет на себя смелость заметить, — указывалось в одном из них, — что необычная форма своего рода обращения к народу несовместима с Конституцией Монархического Государства, в котором намерения суверена передаются нации лишь посредством органов, установленных законом (*organes des loix*); что целям короля ничто не противоречит более, нежели писание, способное возбудить в сознании толпы опасное брожение».⁵⁶ Одновременно собрание требовало, чтобы все его постановления были опубликованы и таким образом доведены до общественного мнения.

Однако теперь нотабли не только не оспаривали необходимости введения более справедливых форм налогообложения: «Нет такой жертвы, какую бюро не принесли бы, чтобы уменьшить народу бремя податей», — утверждали нотабли и разъясняли, что «если они и хотели сохранить для первых сословий отличающие их старые формы, так только требуя вместе с тем, чтобы их доля в обложении была равной доле всех других граждан».⁵⁷

Один из лидеров оппозиции в собрании, архиепископ Ломени де Бриенн, возмущенный демаршем правительства, записал в начале апреля в своем политическом дневнике: «Привилегированные, начиная с принцев, заявили, что они не желают больше пользоваться привилегиями, которые освобождают их от уплаты налогов в равной пропорции с остальными гражданами. Вот о чем следовало сказать народу вместо того, чтобы подстрекать его напыщенными рассуждениями о привилегиях, которыми пожертвовали без малейшего протеста даже самые августейшие из привилегированных».⁵⁸

Между тем на деле обсуждение территориального налога отнюдь не сопровождалось недвусмысленно выраженным «августейшим отказом» от фискальных привилегий. Эта точка зрения являлась в собрании далеко не всеобщей. И даже теперь среди нотаблей не было единства по этому вопросу. Как и раньше, они выдвигали несовместимые одно с другим требования о сохранении старых форм и одновременном обеспечении пропорционального распределения налогов.

Характерна критика «нового», предлагавшегося Калонном, в постановлениях начала апреля. «От народа скрывают, — утверждало третье бюро, — что территориальный налог в натуре, неизбежно взимаемый без учета предварительных затрат по культивированию почвы, из всех налогов стал бы самым вредным для сельского хозяйства, самым диспропорциональным по своим возможностям и самым разорительным с точки зрения расходов по его сбору». Так что он обязательно повлек бы за собой общее увеличение обложения для народа «независимо от того эффекта, который даст отмена привилегии»

С одной стороны, здесь повторены доводы физиократов о порочности сбора налога в натуральной форме и зависимости его исключительно от характера почв. Но, с другой — отчетливо вырисовывается мысль: отмена привилегий вовсе не панацея и не так уж важна для решения финансовых проблем, стоящих перед государством.

Итак, ни одно из важных предложений программы Калонна не было принято королевскими избранниками. Из планировавшихся преобразований в фискальной сфере собрание одобрило меры, касавшиеся тальи, габели и дорожной барщины, причем отнюдь не безоговорочно, а подвергнув их иногда весьма резкой критике. В других вопросах (об изменениях системы поборов в торговле, расширении сферы действия гербового сбора) нотабли объявляли себя некомпетентными и заявляли, что утверждать их должны провинциальные собрания или даже Генеральные штаты.

Настоящим камнем преткновения оказался для правительства проект территориального налога, занимавший в плане Калонна центральное место. Несмотря на то что идея его отнюдь не была новшеством, несмотря на то что никто не оспаривал провозглашаемых в плане «справедливых» принципов налогообложения, а сам налог встречал поддержку значительной части нотаблей, тем не менее он оказался отвергнутым.

Причин тому было несколько. Первое — то, что определенная часть нотаблей принципиально была против перераспределения налогов. Прошли те времена, когда можно было безбоязненно говорить об этом открыто, однако они стремились противодействовать правительству в осуществлении его намерений. Особую роль тут сыграли представители высшего духовенства, которое Калонн собирался не только заставить платить всеобщий налог, но и лишить финансовой автономии. Принципиальные противники реформ применяли тактику саботажа, обструкции, причем с успехом играли на общих антиабсолютистских настроениях собрания.

Эти настроения и стали второй причиной того, почему правительство и нотабли не смогли договориться. Что бы ни делала монархия, какие бы эффективные меры ни предложила, — в ее твердость, политическую мудрость и последовательность никто уже не верил. Узнав о тяжелом положении финансов государства, требующем срочных мер, нотабли вместо одобрения этих мер потребовали созыва Генеральных штатов

Третьей причиной — как это ни парадоксально — стала ограниченность, половинчатость, «средневековая» громоздкость калонновского проекта. Исказив физиократическую идею территориального налога, реформатор подставил себя под огонь критики не только справа, но и слева; таким образом, он не мог рассчитывать на поддержку ни с той, ни с другой стороны

И, наконец, четвертая причина: потенциал либерализма «левых» нотаблей был также невелик. Некоторые, слишком радикальные, с их точки зрения, идеи Калонна они критиковали с правых позиций. Беспрецедентное же обращение министра к народу показалось им столь «революционным», что сразу отодвинуло реформаторские принципы на второй план, выдвинув вперед идею сдерживания брожения масс.

Все это вместе взятое и привело к провалу правительственного проекта. Однако постановка этого вопроса монархией, ход обсуждения его в собрании нотаблей показали, насколько актуальной, животрепещущей, «носящейся в воздухе» являлась в это время идея порочности налоговых привилегий высших сословий, насколько даже и самые консервативные их представители продвинулись в осознании невозможности защищать эту позицию

Итак, Калонн потерпел поражение и полечил отставку. Однако возглавившего финансовое ведомство архиепископа Э.-Ш. Ломени де Бриенна⁶⁰ дефицит заставлял продолжать политику его предшественника. В июне эдикты о реформах были переданы на регистрацию в Парижский парламент

Настроения магистратов парламента в 1787 г не были однородны. В нем существовали группы ультрареакционеров (напри мер, Дюваль д'Эпремениль), умеренных (первый президент д'Алигр, президент Лефевр д'Ормессон) и так называемая американская фракция⁶² (советники Фрето де Сен-Жюст, Сен-Венсен; генеральный адвокат Эро де Сешель и президент Лепелетье де Сен-Фаржо, в будущем знаменитые якобинцы).⁶³ Последние составляли меньшинство в парламенте, однако весьма осязаемое, политически активное меньшинство.⁶⁴ Впрочем, абсолютизмом были недовольны и те, и другие, и третьи.

Парламент практически без возражений зарегистрировал эдикты об освобождении от регламентов торговли хлебом, о дорожной барщине, о провинциальных собраниях. Затруднения начались, когда магистратам был передан эдикт о гербовом сборе. Вслед за нотаблями они потребовали от правительства полного отчета о состоянии финансов, проверки дефицита, а также заявили, что утвердить подобное новшество вправе только Генеральные штаты.⁶⁵ Кроме того, парламент выдвинул идею экономии государственных средств за счет королевского двора. «Этих реформ (т.е. мер по экономии. — *Е.Л.*), — восклицали магистраты в одном из своих возражений, — каждый день ждут несчастные земледельцы, слезы которых орошают поля, земледельцы, обеспечивающие столько бесполезных расходов прежде, чем удовлетворить насущные потребности тех, кто их обрабатывает. Этих реформ ждут поденщики, еще более несчастные, у которых нет ничего, кроме собственных рук, чтобы прокормить себя и свою семью, и которые, будучи лишены самого необходимого, все же находят при своих скудных доходах возможность участвовать в расходах государства».⁶⁶ По сути дела, парламент предлагал решить задачу не за счет всех привилегированных, а за счет малой их части, паразитизм которой особенно бросался в глаза, — придворного дворянства. Предложение это явно содержало элемент демагогии, скрывало стремление магистратов отвести общественное недовольство от себя. Они не могли не понимать, что никакая экономия не покрывает сотысячного годового дефицита.

Получив эдикт о территориальном налоге, парламент объявил его «разорительным» и отказался обсуждать, вновь потребовав созыва Генеральных штатов.⁶⁷ С этого момента между монархией и парламентом развернулась ожесточенная борьба. Правительство попыталось применить практику «королевского заседания» и зарегистрировать эдикты по приказу короля. Однако парламент накануне специальным постановлением снял с себя ответственность за предстоящую принудительную регистрацию, а после заседания протестовал против нее еще раз.⁶⁸

Общественное мнение было в этой ситуации на стороне парламента, начались выступления в его поддержку парижских низов. Испугавшийся Бриенн сослал парламент в полном составе в Труа. Но и это не решило проблемы. Финансовые затруднения усугублялись, взимать же какой-либо новый побор в обход парламентов⁶⁹ в таких условиях было невозможно. Следствием ссылки Парижского парламента стало к тому же нарушение функционирования суда.

Бриенну пришлось договариваться с магистратами. Ценой договоренности стала принципиальная уступка правительства: отказ от введения территориального налога.

Таким образом, можно констатировать, что, как и раньше, во время собрания нотаблей, нерв разногласий между монархией и аристократией заключался в налоговом вопросе. Судейское дворянство также отвергало проект всеобщего поземельного налога.

Аргументируя свои протесты, магистраты многое заимствовали у нотаблей. Специфика их доводов была обусловлена исключительностью положения парламентов на политической арене, профессиональными особенностями, кастовой замкнутостью юридической корпорации.

Так, повторяя быстро ставшее лозунгом дня требование созыва Генеральных штатов, парламент в то же время вновь выдвигал свои давние претензии на представительство нации перед королем. Судейским магистратам всегда важно было подчеркнуть их антиабсолютистские, или, как они говорили, «антидеспотические» позиции.

Говоря о «разорительности» территориального налога, магистраты не опирались на идеи физиократов. Они привлекали идейно терминологический арсенал науки своего времени, но лишь тогда речь шла о рассуждениях самых общих, теоретических. Парламент утверждал, например, что налоги должны взиматься «лишь в целях обеспечения общественного спокойствия и личной свободы граждан»⁷⁰, т.е. отсылал к теории общественного договора. Подразумевалось, что гербовый сбор, о котором в данном случае шла речь, этому требованию не соответствовал. В значительной степени так оно и было, и, вероятно, подобные суждения в парламентских документах отразили недовольство части магистратов порочностью всей фискальной системы государства.

Однако, когда дело доходило до конкретных мер, верх брали отнюдь не просветительские настроения. По поводу обложения непроизводительно используемых земель парламент заявлял, например, что таким образом дворяне будут «как бы изгнаны из своих замков», тогда как «именно возможность уединения в замках побуждает их любить Францию».⁷¹ В том же постановлении говорилось, что обложение всех сословий единым налогом «противоречит первоначальным установлениям Нации», что «самое высшее дворянство должно с дрожью принять на себя обязательство платить налог вместе с его подданными».⁷²

В парламентских документах часто привлекается традиционалистская, «историческая» аргументация. Так, в ремонстрации о гербовом сборе подробно напоминалось, как взимались налоги во Франции, начиная от правления Карла V (1364—1380) до Генриха IV, с целью показать, что ничего подобного предлагаемому правительством тогда не было.⁷³

Протесты и ремонстрации Парижского парламента по фискальным вопросам лета 1787 г носят по преимуществу аристократический характер, демонстрируют отсутствие у большей части магистратов желания расставаться со своими привилегиями. Но демонстрируют они также и отчетливо осознанную ими необходимость скрывать подобные настроения, подчеркивать заботу о благе народа. Умеренно настроенная часть магистратуры, составлявшая большинство, проголосовала за сочиненную Дювалем д'Эпременилем мракобесную ремонстрацию. Это не означает, однако, что она полностью разделяла выражавшиеся в ней взгляды. Сказалась общая антиабсолютистская направленность деятельности парламента, особенности политической обстановки. Престижу монархии только что был нанесен чувствительный удар. Требования, выдвинутые нотаблями, обусловили общественный подъем, вспышку недовольства правительством. А во главе недовольных, по иронии истории, оказался парламента как единственная политическая корпорация, имевшая право возражать королю. Характерно, что в это время парламента не терял популярности, даже когда открыто выступал с антинародных позиций.⁷⁴ Такая конъюнктура способствовала росту своеобразной «дерзости» парламента, ужесточению господствовавших в нем настроений.

К концу сентября переговоры между правительством и парламентом привели к достижению компромисса. Парламент возвращался в Париж. Король отменял эдикты о территориальном налоге и гербовом сборе. Вместо этого до 1792 г.⁷⁵ продлевалось действие двадцатин, которые Бриенн рассчитывал взимать с большей эффективностью, производя их проверки. Таким образом, за неудавшимся широким реформаторским планом следовала попытка решить финансовую проблему исключительно авторитарно-абсолютистскими методами, восходящими к аналогичным мерам конца 60-х—начала 70-х годов.

Подобные действия правительства всегда влекли за собой вполне определенную реакцию привилегированных. Как раньше аристократия стремилась уклоняться от полного обложения своих доходов, как раньше парламенты противодействовали проведению проверок, так и теперь магистраты начали жаловаться, что действия агентов фиска незаконны, проверки неверны. 29 апреля 1788 г советник Гуалар де Монсабер выступил в парламенте с обвинением администрации в злоупотреблениях при взимании двадцатин. Парламент принял постановление, в котором явно демагогически заявлял, что взимаемые двадцатины на 84 млн ливров превышают планировавшийся ранее территориальный налог.⁷⁶

В подобной защите всех привилегированных (не только дворян) от абсолютистских налогов: капитации, десятины, двадцатин — парламента видел свою естественную прерогативу с тех пор, как они возникли. Парламент представлял дело как защиту интересов всех облагаемых налогом. Однако на фоне широкого распространения и обсуждения чисто буржуазных принципов общественного устройства такая позиция выглядит анахронизмом.

Выступления парламента против двадцатин происходили в период, когда вопрос о налоговых привилегиях, о справедливых принципах налогообложения на время был как будто снят. Он ушел из непосредственного поля зрения конфликтующих политических сил и наблюдавшего за ними общества. На первый план вышла борьба парламентов за свое существование, летом 1788 г. принявшая формы «дворянского бунта». Почти во всех парламентских городах он сопровождался бунтами народными. К концу лета 1788 г. во Франции сложилась революционная ситуация.

Король был вынужден восстановить парламенты, дать отставку Бриенну и хранителю печатей Ламуаньону, поручить руководство финансами в высшей степени популярном Неккеру. В начале августа была объявлена дата открытия Генеральных штатов — 1 мая будущего года, причем правительство выпустило и разослало повсюду предписание «производить изыскания» по поводу их форм.

Вскоре страна была буквально наводнена брошюрами. Началась настоящая памфлетная война. Теперь вопрос о сословных привилегиях вообще, а не только фискальных, ставило не правительство, планировавшее реформы, а многочисленные буржуазные публицисты. Их политические претензии шли значительно дальше всех реформаторских устремлений монархии. Третье сословие выдвигало собственную политическую программу.

Активная политическая оппозиция абсолютизму со стороны дворянства, сыгравшая немаловажную роль в развертывании кризиса, в это время быстро сошла на нет. Возвращенные парламенты перестали фрондировать. В Парижском парламенте, как и в большинстве провинциальных, перед лицом мощной оппозиции третьего сословия возобладали консервативные настроения. 25 сентября парламент заявил, что Генеральные штаты должны быть созваны по образцу 1614 г.⁷⁷

И в изменившихся условиях с необычайной легкостью аристократия отказалась от фискальных привилегий. Первыми об этом в начале декабря 1784 г. заявили нотабли.⁷⁸ На этот раз все бюро выражали «единодушное пожелание, чтобы общественные налоги распределялись более равномерно и чтобы они падали пропорционально на все сословия».⁷⁹

Своего рода официальным отказом высшей аристократии от фискальных привилегий стало так называемое письмо принцев, или «Мемуар, представленный королю монсеньорами графом д'Артуа, принцем Конде, герцогом Бурбоном, герцогом Энгиенским и принцем Конти». Оно было составлено в середине декабря и распространялось в виде брошюры. Высшие представители дворянской иерархии Франции громогласно предостерегали монарха от каких бы то ни было перемен. «Революция готовится в принципах управления» — так характеризовали принцы обстановку в стране. Они отмечали общее «брожение умов», «крушение священных установлений», положение, когда «каждый автор считает себя законодателем». В случае нарушения древних форм Генеральных штатов и хоть малейшего посягательства на права двух первых сословий принцы предрекали раскол общества и гибель монархии.⁸⁰

«Пусть третье сословие перестанет нападать на права первых двух — права, которые будучи столь же древними, как монархия, должны быть так же незыблемы, как ее конституция. Пусть оно ограничится лишь просьбами об уменьшении налогов, которыми оно перегружено». И тогда великодушное дворянство само откажется от своих налоговых привилегий, в чем принцы желали быть примером.⁸¹

Декларация принцев была 20 декабря поддержана «Палатой пэров», т.е. Парижским парламентом в присутствии герцогов и пэров, а затем провинциальными парламентами.⁸² С этого времени налоговые привилегии не защищал уже практически никто. Вопрос был снят сам собой. Развивающаяся политическая борьба легко «перешагнула» через него и устремилась к решению задач более принципиальных.

Итак, рассмотрение отношения дворянских политических корпораций к фискальным привилегиям накануне революции показывает, что среди их членов было очень сильно желание сохранить привилегии. Однако задача становилась все более трудной. С одной стороны, уже несколько десятилетий привилегированным приходилось защищать свой кошелек от посягательств абсолютистского государства. С другой — передовая наука квалифицировала неравномерность распределения налогов как тормоз на пути прогресса. И ее выводы подхватывало не только общественное мнение, на них стала ссылаться и монархия. Таким образом, масса дворянства была к концу 80-х годов вполне подготовлена к лишению фискальных преимуществ. И если она пыталась защищать их в начале политического кризиса (причем «приукрашивая либеральными фразами отстаивание своих цеховых интересов»⁸³), то быстро сдала эту позицию перед лицом поднимавшегося третьего сословия.

Большое влияние на позицию дворянства в этом вопросе оказывали его антиабсолютистские настроения. Централизаторско-авторитарная политика монархии в XVIII в была связана с утверждением абсолютистских налогов. Сложились определенные традиции борьбы привилегированных с «деспотизмом» именно в фискальной области. В условиях политического кризиса кануна революции эта борьба продолжалась и обострялась. Так что отказываясь от введения территориального налога, Бриенн уступал парламенту собственно не столько в вопросе либерального реформирования, сколько в вопросе утверждения абсолютистских принципов.

Эта активная антиабсолютистская деятельность аристократ и прекратилась на фоне подъема народного протеста. И сразу потеряла прежнюю актуальность и защита налоговых привилегий. Вместе с тем внутри самого сословия в последние десятилетия перед революцией происходил процесс размежевания, уже в ходе революции приведшего к расколу дворянства. Выделялось меньшинство, готовое на компромисс с буржуазией и, в частности признающее необходимость налогового равенства сословий. В ходе предреволюционного кризиса это размежевание, усиливающее различие политических убеждений и позиций внутри дворянства, обозначалось все более четко. Точка зрения этого меньшинства высказывалась еще в первом собрании нотаблей. Она почти не отразилась в документах по фискальному вопросу парламента. В конце концов она возобладала, но когда сам вопрос потерял значение и «налоговое равенство уже ничего не изменяло».

Отношение дворянства к фискальным привилегиям накануне Великой французской революции свидетельствует о том, что в массе своей оно не проявляло самостоятельного стремления к реформам понимания их необходимости. Разногласия по этому вопросу противоречивость позиции и их эволюция отражают общее размежевание внутри дворянства и свидетельствуют о его кризисе как единого господствующего класса Старого порядка.

1 Шере Э. Падение старого режима, 1787—1789: В 2 т. СПб., 1907. Т. 1, гл. 3. С. 124, 139—140, 168—169 и др.; Marion M. Histoire financiere de la France depuis 1715. P., 1927. Т. 1. P 391—394; Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции: Падение монархии, 1789—1792. Л., 1982. С. 55—57

2 Шере Э. Указ.соч. Т.2. С 311—312; Gomel Ch. Les causes financiers de la Revolution francaise: Les derniers controleurs generaux. P., 1893. Ch. 15. Т.е. около 84%. См.: Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С.139.

3 Здесь не рассматривается вопрос об эволюции позиции духовенства. Она выглядит не менее впечатляющей и парадоксальной. Еще в мае—июне 1788 г. собрание духовенства категорически отвергало саму возможность какого бы то ни было покушения на свой фискальный иммунитет. Не существует исследования наказов первого сословия, аналогичного книге Л.А.Пименовой. Однако простое ознакомление с ними ряда исследователей показало, что идея отказа от налоговых привилегий была и в них широко распространена. (См., напр.: Шере Э. Указ.соч. Т.2. С.310—311; Marion M. Histoire financiere... P.440.

- 5 Gomel Ch. Op. cit. P. 183—185; Marion M. Histoire financiere... P.48.
- 6 Stourm R. Les finances de l'Ancien Regime et de la Revolution P., 1885. T.1. P.54—55; Marion M. Dictionnaire des institutions de la France au XVII et XVIII siecles. P., 1923. Art. Capitation», «Vingtieme»; Villain J. Le Recouvrement des impots directs sous l'Ancien Regime. P., 1952. P.240—244; Ambrosi Ch. Apercu sur la repartition et la perception de la taille au XVIII siecle Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1961. Vol.8. P.299.
- 7 Marion M. Dictionnaire des institutions... Art. «Gabelle» — о различиях во взимании габели (соляного налога).
- 8 Marion M. Les impots directs sous l'Ancien Regime, principalement au XVIII siecle. P., 1910. P.4—5.
- 9 Ibid. P. 8; Idem. Histoire financiere... P.4—5; Villain J. Op.cit. P.254.
- 10 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.19. С.190.
- 11 Behrens B. Nobles, Privileges and Taxes in France at the End of the Ancient Regime Economic History Review. 1963. N 3. P.451—475, Eadem. The Ancient Regime. L., 1967. P.46—62.
- 12 А.Гудвином, Р.Дарнтоном. См. об этом.: Cavanaugh G.J Nobles, Privileges and Taxes in France: A Revision Reviewed French Historical Studies. 1974. Vol.8, N 4. P.681.
- 13 См. главным образом: Cavanaugh G.J. Op.cit. P.681—692; Cavanaugh A., Mazauric C, Robin R. La Revolution francaise a-t-elle eu lieu? Nouvelle critique. 1972. N 52. P.33—35.
- 14 Вот характерная выдержка из наказа третьего сословия бальяжа Немур Генеральным штатам 1789 г., составителем которого был знаменитый физиократ Дюпон де Немур: «Трудно поверить, но достаточно быть богатым, чтобы стать дворянином, и стать дворянином, чтобы перестать платить; так что есть лишь одно средство ускользнуть от обложения — нажать состояние» (Цит. по: Storum R. Op.cit. P.53). См. также данные современных исследователей по разным провинциям: Forster R. The Nobility of Toulouse in the Eighteenth Century. Baltimore, 1960. P.188; Saint-Jacob P. de. Les paysans de Bourgogne du Nord au dernier siecle de l'Ancien regime. P., 1960. P.281—300; Poitrineau A. La vie rurale en Basse-Auvergne au XVIII siecle. P., 1965. P.357. А.Пуатрино приводит, например, следующий факт: в 1740 г. дворянство Оверни заплатило 2334 ливра капитации из 605 959 ливров уплаченных налогоплательщиками всей провинции. Следует учесть, что духовенство этого налога вообще не платило, откупившись от него раз и навсегда в 1710 г. К концу Старого порядка распределение налогов не стало более равномерным — наблюдалась обратная тенденция.
- 15 Cavanaugh G. I. Op.cit. P.688—691
- 16 До этого капитация действовала как чрезвычайный налог с 1695 по 1698 г. во время войны с Аугсбургской лигой. О капитации и десятине см.: Marion M. Dictionnaire des institutions... Art. «Capitation»; Art. Dixieme».
- 17 Weulcrsse G. Le mouvement physiocratique en France de 1756 a 1770. P., 1910. T.1
- 18 Recueil general des anciennes lois francaises, depuis l'an 420 jusqu'a la Revolution de 1789. P., 1824. T.22. P.225.
- 19 Фор Э. Опала Тюрго. М., 1979. С.431—434.
- 20 Подробно об этом см. статью И.Б.Берго в настоящем сборнике. http://enlightment2005.narod.ru/papers/bergo_parlm2.pdf
- 21 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.172.
- Caionne Ch.-A. de. Reponse de M. de Calonne a l'ecrit de M. Necker, publie en Avril 1789, contenant l'examen des comptes de la situation des finances rendus en 1774, 1776, 1781, 1783 et 1787 avec des observations sur les resultats de l'Assemblee des notables. L., 1788. P. 84. (Pieces justif icatives ou accessoires. Precis d'un plan d'amelioration des finances).
- 23 Archives parlementaires, de 1787 a 1860; Recueil complet des debars legislatifs et politiques des chambres franchises Fonde par J. Madival, E. Laurent. Ser.1. P., 1862. T.1. P.194 (Далее: AP). Речь Ш.-А. де Калонна при открытии собрания нотаблей 22 февраля 1787 г.
- 24 Ibid. P.203.
- 25 Ibid. P. 203—204.
- 26 L'Assemblee des notables de 1787. La conference de 2 mars Texte publ. avec introd. et notes par P. Renouvin. P., 1920. P.24 (далее: La conference de 2 mars).
- 27 AP. P. 205.
- 28 Ibid. 31 Ibid. P.215—219.

- 29 Ibid. P.207. 32 Ibid. P.212—213, 214.
- 30 Ibid. P.205. 33 Ibid. P.228—229.
- 34 Подробно о составе и работе собрания нотаблей см.: Лебедева Е.И. Собрания нотаблей кануна Великой французской революции и эволюция политических позиций дворянства Французский ежегодник, 1985. М., 1987. С.170—192.
- 35 Вместе с тем в бюро раздавались голоса, требовавшие распространения этой подати на все сословия. См.: Journal de l'Assemblée des Notables de 1787 par le comte de Brienne et E.-Ch Lomenie de Vienne archeveque de Toulouse Publ. par P. Cheallier. P, 1960. P.28.
- 36 AP. P.216-220.
- 37 В речи на открытии собрания Калонн изложил историю формирования бюджетного дефицита с начала царствования Людовика XVI. Он огласил сумму дефицита — более чем 100 млн ливров в год по его оценке. См.: AP. P.189— 197.
- 38 AP. P.216—220; La conference de 2 mars. P.3-5.
- 39 Правда, он высказывает в то же время сомнение, не является ли введение такого налога преждевременным. См.: Ibid. P.43.
- 40 Ibid. P. 9, 25, 28, 30, 55 ff.
- 41 Ibid. P. 57.
- 42 Ibid. P. 34—35.
- 43 Blain de Sainmore A.-M. Lettres, 1731 — 1794 / Центр гос. арх. лит. и искусства СССР. Ф.1321, Оп.1. Д.5. Л.38 (далее: ЦГАЛИ). Это Этьен-Жак-Кристоф Грандьер. См.: AP. P.183.
- 44 Ibid. P. 220.
- 45 La conference de 2 mars. P.3—5, 11—13, 21, 39—41 ff.
- 46 AP. P.216—220.
- 47 Ibid. P.208.
- 48 Calonne Ch.-A. de. Collection des memoires presentes a l'Assemblée des notables par M. de Calonne, controleur general des finances. Versailles, 1787.
- 49 Экземпляр такой листовки приложен к донесению в Петербург от 7 апреля русского посла во Франции И.М.Симолина. См.: Архив внешней политики
- 49 России. Ф. Сношения России с Францией. 1787. Оп.936. Д.447. Л.122—123 (далее: АВПР).
- 50 Почти одновременно с этим 2 апреля интендантам были разосланы предписания об обследовании «положения платящих талью и привилегированных» (L'etat des taillables et privileges), т.е. соотношения имущественного положения налогоплательщиков и величины налогов. Калонн надеялся таким образом получить убедительный материал о непропорциональном распределении налогового бремени. Последовавшая вскоре его отставка, а затем закрытие собрания нотаблей лишило это мероприятие смысла. См. об этом: Bouloiseau M. Une enquete de Calonne: taillables et privileges en Haute Normandie French Historical Studies. 1972. Vol.7. N 4. P.503—528.
- 51 См.: АВПР. Ф.Сношения России с Францией. 1787. Оп.36. Д.447. Л. 122.
- 52 Там же. Д.123.
- 53 Там же.
- 54 Journal de l'Assemblée des notables. P.45.
- 55 См.: АВПР. Ф.Сношения России с Францией 1787. Оп.936. Д.447. Л.136. К донесениям И.М.Симолина приложены постановления третьего, пятого и шестого бюро.
- 56 Цитируется постановление пятого бюро См.: Там же. Л. 145.
- 57 Постановление третьего бюро. См.: Там же. Л.18; в постановлении пятого бюро аналогичная мысль: «Это писание («предисловие Жербье». — Е.Л.) утаивает, что первые сословия государства, сами потребовав чтобы их участие в общественных повинностях было пропорционально участию других граждан, ограничились пожеланием сохранения старинных форм, которые их отличают». Там же. Л.146.
- 58 Journal de l'Assemblée des notables P.114.
- 59 АВПР. Ф Сношения России с Францией. 1787. Оп.936. Д.447. Л.149.
- 60 Бриенн был назначен главой только что созданного Финансового совета, а чуть позднее получил титул главного министра Генеральным контролером стал Лоран де Вилледель.

- 61 О структуре и функциях Парижского парламента см Schennan J.-H. The Parlement of Paris. L , 1968, Лебедева Е И Парижский парламент и абсолютизм накануне Великой французской буржуазной революции Проблемы новой и новейшей истории М., 1982. С.49—51.
- 62 Т.е. сторонников принципов американской революции.
- 63 См. Шере Э. Указ.соч. Т.1. С.243—244.
- 64 См. Лебедева Е.И. Парижский парламент и абсолютизм. С.49—63.
- 65 Les Remontrances du Parlement de Pans an XV111 siecle Publ par J Flammermont P., 1898. Т.3. P.664—676.
- 66 Ibid. P.675.
- 67 Ibid.
- 68 Les Remontrances. P.688.
- 69 Провинциальные парламенты поддержали столичный и также вступили в конфликт с правительством.
- 70 Les Remontrances. P.671.
- 71 Ibid. P.690.
- 72 Ibid. Текст этого постановления составлен Дювалем д'Эпременилем.
- 73 Ibid. P.675.
- 74 Так, 13 августа, когда парламент принял постановление, в котором заботился о «возможности уединения» аристократов в замках, плотная толпа народа окружила Дворец правосудия и громкими аплодисментами встречала каждого магистрата. См. ЦГАЛИ. Ф.1321. Оп.1. Д.5. Л.132.
- 75 В 1792 г. король обещал созвать Генеральные штаты.
- 76 Les Remontrances. P.736.
- 77 Ibid. P.777—779.
- 78 О втором собрании нотаблей см.: Лебедева Е.И. Собрания нотаблей кануна Великой французской революции... С.187— 191.
- 79 AP. P.432.
- 80 Ibid. P.487-488.
- 81 Ibid. P.488.
- 82 Шере Э. Указ.соч. Т.2. С.124.
- 83 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.6. С.149.
- 84 Как проницательно писал Блен де Сенмор. См. ЦГАЛИ. Ф.1321. Оп.1. Д.7. Л.7.